

Фауна в поэтическом мировидении Гаврилы Державина*

Микела Вендитти

Университет Неаполя Л'Ориентале,
Неаполь, Италия

Fauna in the Poetic Worldview of Gavrila Derzhavin

Michela Venditti

University of Naples L'Orientale,
Naples, Italy

Animal images are ubiquitous in Gavrila Derzhavin's poetry and can be found in works belonging to different stages of his career. This article studies issues connected with the functions that the world of fauna performs in his works and aims to find out whether it evolves over time. The image of the swan in his Horatian ode of the same name (1808) is considered a symbol of the poet's immortality, and unpublished poems on the death of a dog an expression of the burlesque direction in Derzhavin's work. With a view to determining the general typology of animals in Derzhavin's lyrical poetry (with the exception of fables and parables), the article proposes a general classification of animals in order to then turn to a detailed analysis of two little-studied works (*The Magnitude of God* (Rus. *Velichestvo Bozhie*) (1789) and *Morning* (Rus. *Utro*) (1800). Together with the poems, the author examines the illustrations that accompany them in the Grot edition of Derzhavin's works. His poetic bestiary is very rich in comparison with those of other poets of his time, becoming more and more an integral part of his poetic landscape. According to Derzhavin's aesthetic concept, poetry should depict "shining and lively pictures, with nature-like views", including its inhabitants from the world of fauna. However, this function changes at different stages of the poet's work and varies depending on the genre chosen. Derzhavin refers to animal images for different purposes, from symbolic to humorous; the range of animal images corresponds to the idea of the poem and expresses different approaches to language. Due to an archaism of his later poetry, animal images become more and more symbolic and myth-like. The variety

---

* Citation: Venditti, M. (2022). Fauna in the Poetic Worldview of Gavrila Derzhavin. In *Quaestio Rossica*. Vol. 10, № 1. P. 132–150. DOI 10.15826/qr.2022.1.663.

Цитирование: Venditti M. Fauna in the Poetic Worldview of Gavrila Derzhavin // *Quaestio Rossica*. 2022. Vol. 10, № 1. P. 132–150. DOI 10.15826/qr.2022.1.663 / Вендитти М. Фауна в поэтическом мировидении Гаврилы Державина // *Quaestio Rossica*. 2022. Т. 10, № 1. С. 132–150. DOI 10.15826/qr.2022.1.663.

and range of animal images in Derzhavin's ode *Morning* connect this work with images of the creation of animals in Western European painting and graphics, primarily with the famous Vatican fresco *The Creation of the Animals* by Raphael.

Keywords: G. R. Derzhavin, eighteenth-century Russian poetry, animal images in art, Psalm 103, Cleanthes, "Hymn to Zeus", Cleanthes, Raphael

Образы животных чрезвычайно распространены в лирике Г. М. Державина и встречаются в произведениях, принадлежащих ко всем его творческим периодам. Исследуются вопросы о том, какую функцию имеет мир фауны в его лирике и меняется ли она в течение времени. При рассмотрении образа лебедя в одноименной горацианской оде 1808 г. выявлена его символическая природа, обусловленная темой бессмертия, неопубликованные стихи на смерть собаки характеризуют бурлескное направление в творчестве поэта. Предлагается изучить общую типологию животных в лирике Державина (исключая жанр басни и притчи), чтобы затем обратиться к подробному анализу двух малоизученных произведений (*Величество Божье* 1789 г. и *Утро* 1800 г.). Стихотворения рассматриваются с учетом иллюстраций, обрамляющих их в издании К. Я. Грота. Поэтический bestiary Державина очень богат по сравнению с bestiary других поэтов его времени, становясь со временем все более неотъемлемой частью пейзажа. Согласно его эстетической концепции, поэзия должна изображать «блестящие и живые картины, с природой сходственные виды», включая также своих обитателей из мира фауны. Функция образа животных заключается в оживлении пейзажа в противоположность неподвижным картинам классицизма. Однако данная функция меняется на разных этапах творчества поэта и варьируется в зависимости от выбранного жанра. Поэт обращается к образам животных с разными целями, от символической до шутивной; набор зверей соответствует замыслу стихотворения и выражает разные подходы к языку. В частности, в связи с тенденцией к архаизации в позднем творчестве поэта образы животных приобретают все более символический или мифологический характер. Изобилие и сам набор образов животных в оде *Утро* (1800) связывают данное произведение с изображениями сотворения животных в западноевропейской живописи и графике, в первую очередь со знаменитой ватиканской фреской *Сотворение животных* итальянского художника Рафаэля.

Ключевые слова: Г. Р. Державин, русская поэзия XVIII в., образы животных в искусстве, псалом 103, «Гимн Зевсу», Клеант, Рафаэль Санти

В исследовании о природе в русской поэзии М. Эпштейн замечает: «Образы животных в литературе – это своего рода зеркало гуманистического самосознания» [Эпштейн, 2007, с. 100]. Просветительское мышление XVIII в. в поисках пределов человеческого разума неизбежно сталкивалось с определением места и роли животных в цепи существ. «Естественная история животных» Л. де Бюффона (1749–1783), «Трактат о животных» Э. де Кондильяка (1755), «Система при-

роды» (1758) К. Линнея и работы энциклопедистов (1751–1780-х гг.) ярко выражают стремление к рациональной систематизации знаний и натуры, мира человеческого и мира животных. Наука эпохи Просвещения ставит себе задачу изучения обитающей землю фауны: рождается само понятие «зоология»¹.

Определяя результаты прогресса естественных наук, М. Ломоносов в «Письме о пользе стекла» (1752) восхищается возможностью через микроскоп увидеть и изучить мелких животных:

Хоть острым взором нас природа одарила,
Но близок оного конец имеет сила.
Кроме, что вдалеке не кажет нам вещей
И собранных трубой он требует лучей,
Коль многих тварей он еще не достигает,
Которых малой рост пред нами сокрывает!
Но в нынешних веках нам Микроскоп открыл,
Что Бог в невидимых животных сотворил!
Коль тонки члены их, составы, сердце, жилы
И нервы, что хранят в себе животны силы!
Не меньше, нежели в пучине тяжкий Кит,
Нас малый червь частей сложением дивит.
Велик Создатель наш в огромности небесной!
Велик в строении червей, скудели тесной!

[Ломоносов, с. 519]

Русские поэты XVIII в. утверждают верховенство человека над животными. А. Сумароков в «Эпистоле о русском языке» (1748) пишет:

Для общих благ мы то перед скотом имеем,
Что лучше, как они, друг друга разумеем

[Сумароков, ч. 1, с. 331].

Для Державина в оде «Бог» (1784) человек – это «крайня степень вещества» и «средоточие живущих» [Сочинения Державина, т. 1, с. 201].

В литературе русского классицизма фауна имеет сугубо символический характер, украшает абстрактные пейзажи идеализированного мира; ее многообразие исходит из библейской и классической традиции и из эмблематики. Басни, притчи, анакреонтика, эпиграммы и надписи изобилуют животными, но в аллегорической форме и согласно принципу антропоцентризма. «Эпиграмма к попугаю» К. Дмитриева-Мамонова (1771) [Поэты XVIII в., с. 450], «Журавли» Н. Радищева (1797, 1807) [Венгеров, с. 849], «На карася» В. Петрова [Там же, с. 446], «Птичка» М. Хераскова (1796) [Херасков, с. 138], «Трудолюбивая пчела»

¹ В России новое слово встречается впервые в 1771 г. [СРЯ XVIII в., вып. 8, с. 227; ср.: *Bestiaire des Lumières*, p. 9 и след.].

А. Сумарокова (1759) и прочие многочисленные ласточки, кузнечики, бабочки, голубки, пчелки, заселяющие анакреонтику, являются в основном метафорами человеческих свойств. Часто стихи о животных представляют собой переводы из классической (например, Горация, Эзопа) или современной литературы (например, Лафонтена).

Характерный пример трактовки образа животного можно найти в притче А. Сумарокова «Побежденный на картине лев», переложении басни Лафонтена «Le lion abattu par l'Homme» [Сумароков, ч. 7, с. 321]. В этих стихах особенно ярко выражены не только «свободный комизм и поэзия абсурда» Сумарокова-баснописца [Клейн, с. 179], но и существо отношения поэтов-классицистов к животным в литературе: в лесу появляется живопись с изображением убитого охотником льва (абсурдность ситуации подчеркивается Сумароковым стихами: «Не знаю как; / Но было так»); мимо проходит реальный лев и издевается над «искусственной», «фиктивной» победой человека. В центре внимания притчи – контраст между искусством и реальностью, в ней высмеивается антропоцентризм в отношении к животному миру.

Первые попытки нарисовать лирические картины природы в реалистическом ракурсе принадлежат Г. Державину и М. Ломоносову («Ода на взятие Хотина», 1739):

Как в клуб змия себя крутит,
Шипит, под камень жало кроет,
Орел, когда шума летит
И там парит, где ветер не воет;

Превыше молний, бурь, снегов
Зверей он видит, рыб, гадов...

[Ломоносов, с. 26–27].

Державин, прославившийся своими описаниями природы и пиров, цветового и звукового мира, представляет в «Рассуждении о лирической поэзии» оды, как

...блестящие живые картины, то есть с природою сходственные виды, которые мгновенно мягких или чувствительных людей поражают воображение и производят заодно в них фантазию (мечты) или фантастические чувства [Сочинения Державина, т. 7, с. 549–550].

Пестрая фауна в лирике Державина (например, волк, лань и конь в оде «Водопад» 1791 г.) предстает как часть живой природы; ср. также в стихотворении «На возвращение графа Зубова из Персии» (1797):

Как серны, вниз склонив рога,
Зрят в мгле спокойно под собою
Рожденье молний и громов...

<...>

Ты видел, как в степи средь зною

Огромных змей стога кишат,

Как блещут пестрой чешуею

И льют, шипя, друг в друга яд

[Сочинения Державина, т. 2, с. 32].

Или в стихотворении «Евгению. Жизнь званская» (1807):

Барашков в воздухе, в кустах свист соловьев,

Рев крав, гром жолн и коней ржанье

[Сочинения Державина, т. 2, с. 635].

Анализ творчества Г. Р. Державина обнаруживает, что образы животных в нем чрезвычайно распространены, встречаясь в поэтических произведениях, принадлежащих ко всем творческим периодам². Возникает вопрос, какую функцию имеет мир фауны в лирике Державина и меняется ли она в течение времени. Державин чаще других поэтов XVIII в. посвящал свои стихи определенному животному. Именно в его творчестве природа приобретает самодовлеющий поэтический интерес [Эпштейн, 1990, с. 208]. Ряд образов (ласточка, змей, лебедь, снегирь и др.) подвергался подробному описанию в исследованиях [Данько; Щеглов; Демин; Ларкович, 2006].

Образы зверей у Державина можно разделить по следующим категориям: первая группа – это животные, упоминаемые в прямом или иносказательном, метафорическом смысле; эту группу (животные как таковые) уместно, в свою очередь, разделить на животных, которым посвящены отдельные стихотворения (например, «Бабочка», «Пчела», «Соловей», «Павлин» и т. п.), и на животных, являющихся частью мира природы или мира человеческого. Вторую группу образуют иносказательные (символические, аллегорические или метафорические) животные. Их, в свою очередь, можно разделить по источникам происхождения соответствующих образов: у Державина это античная литература, Библия, современная иностранная и отечественная литература (в основном поэзия Ломоносова) и эмблематика.

Распределим животных, упоминаемых в лирике Державина, по стихиям пребывания. Державин называет их, употребляя либо коллективное название (пернатые, птицы; рыбы; звери, гады, насекомые), либо точное: соловей, аист (или церковнославянское «еродий»), куропатка, снегирь, орел, лев (или церковнославянское «скимн»), олень, серна, змей, бабочка, пчела, мушка, комар и т. д. Фауна Дер-

² Настоящая статья является частью более обширного исследования о поэтическом бестиарии Державина. Ранее был проанализирован образ лебеда в одноименной горацианской оде (1808 г.) как символ бессмертия поэта [Вендитти, 2013]; другие статьи были посвящены изучению стихотворения «Похвала комару» [Вендитти, 2008] и неопубликованных стихов на смерть собаки [Вендитти, 2021] как выражения бурлескного направления в творчестве поэта.

жавина обитает в трех стихиях: на небе, на земле и в воде. Воздушный мир изобилует птицами (реальными и мифическими). В земном мире встречаются в основном млекопитающие (дикие или домашние животные³); в промежуточном воздушном мире обитают насекомые (их можно найти в первую очередь в анакреонтике). Жителей моря или водного мира у Державина сравнительно мало; обычно поэт не называет рыб их точными именами, он их четко определяет лишь когда они становятся пищей для человека (раки, щука, и т. д.)⁴. Птицы и земные животные могут выполнять функцию метафоры («Львиного сердца, крыльев орлиных / Нет уже с нами!» – «Снигирь», 1800⁵) или сравнения («Как серна, скачуца на горы, / Так мой к тебе стремится дух» – «Ключ», 1779; «И мамонта⁶ костей белее / Прозрачней, чище и светлее / Созидется тебе чертог» – «Песнь брачная чете порфирородной», 1793; «Как мысль моя, подобно пчеле» – «Афинейскому витязю», 1796). Еще один типичный прием – адъективные сравнения (уподобления), ср., например: «Как их брови соболины, / Полный искр соколий взгляд, / Их усмешка – души львины / И орлов сердца разят?» («Русские девушки», 1799).

Рыбы зачастую определяются метонимически (например, дается указание на серебро или чешую, сверкающие под водой). Мифические существа, такие как дракон, гидра, тритон, грифон, чаще упоминаются Державиным в поздних произведениях, что связано с архаизацией его поэтического языка [Ларкович, 2006].

Традиционные «символические» животные, такие как орел (символ отечества, власти, гордости), лев, конь, преобладают в торжественных одах, являясь стандартными образами поэзии классицизма. Однако их упоминания можно найти также в «Анакреонтических песнях» (например, «Заздравный орел», 1795).

Типичный для анакреонтики *locus amoenus* заселен у Державина определенными животными в качестве необходимой части ландшафта («Пчелка», 1797; «Кузнечик», 1802); примером могут послужить насекомые в стихотворении «Гостю» (1795):

Вздремли после стола немножко:
Приятно часик похрапеть;
Златой кузнечик, сера мошка
Сюда не могут залететь
[Сочинения Державина, т. 1, с. 671].

³ Домашние животные (например, собака, кот, синичка) принимают человеческие черты, то есть становятся частью интимного «пейзажа» их владельца.

⁴ Ср. знаменитые оды «Приглашение к обеду» (1795), «Евгению. Жизнь званская» (1807), «Похвала сельской жизни» (1808).

⁵ Метафора визуально раскрыта в заключительной иллюстрации к стихотворению, где изображена голова льва с орлиными крыльями [Сочинения Державина, т. 2, 348].

⁶ Упоминание мамонта в данных стихах Державина – одно из первых употреблений этого слова в русском языке [СРЯ XVIII в., вып. 12, с. 57].

Соловью, символу поэзии, посвящены два стихотворения: «Соловей во сне» (1797) г. и «Соловей» (1795); последнее вместе с «Павлином» берет свой сюжет из § 58 «Риторики» Ломоносова. В легкой поэзии животные могут служить тому, чтобы выразить авторские мысли. В «Голубке» (1801), например, Державин отправляет послание с помощью птицы, чтобы высказать свое мнение против освобождения крестьян, предложенного Александром I [Сочинения Державина, т. 1, с. 570–573].

В гротовском издании сочинений Державина животные зачастую изображены также в иллюстрациях к стихотворениям, что стоит обсудить отдельно.

Известно, что поэт придавал особое значение рисункам, или «виньеткам» к своим стихотворениям [Данько]. Он разрабатывал планы публикации своих сочинений вместе с друзьями Н. А. Львовым и В. В. Капнистом. Среди бумаг поэта сохранились материалы, «посвященные исключительно объяснению рисунков» [Сочинения Державина, т. 1, с. XXX]. К. Я. Грот утверждал, что «было вообще принято за правило не повторять в рисунках содержания стихотворений, а выражать намеком или аллегорией идеи, находящиеся в близком с ними соотношении» [цит по: там же]. Автор иллюстраций Алексей Оленин («моей поэзии изограф», как пишет Державин в стихотворении «Оленину» 1804 г.), объясняет в своей записке «Значение чертежей»: «старался художник домолвить карандашем то, что словами стихотворец не мог или не хотел сказать» [Там же]; сочетание стихов и рисунков определяется им как «картина для глаз, словесная кисть для разума» [Там же, с. XXXI]. Друг поэта Николай Львов отметил в заметке «К виньетам Г. Р. Державина», что картина дает «тело и силу физическую» для воображения [цит. по: там же].

Основой для иллюстраций к сочинениям Державина послужили античное искусство и эмблематика [Буслаев, с. 112]. Отношение Державина к этой форме синтетического искусства менялось с течением времени. Д. Ларкович, исследовавший поэтику экфрасиса у Державина, показал, каким образом переплетение словесного и визуального видов искусства соответствует его пониманию поэзии [Ларкович, 2010; Ларкович, 2011]. Образы животных тесно связаны с иконическим представлением. В ранних произведениях поэт как будто играет с эмблемами, он их употребляет в дидактическом ключе, но в шутовском тоне.

В стихотворении «Всемила» (1770) лирический субъект – прекрасная девица, которая жалуется на свою судьбу. Поэт утешает ее, утверждая, что «красота владеет миром». Он ее спрашивает:

Почто ж, о милое творенье!
Грустишь и тонешь так в слезах,
Когда царей и царств правленье
В твоих содержится руках?

[Сочинения Державина, т. 1, с. 6].

После заключительного четверостишия следует «бесподобная в помпейском стиле виньетка в дополнение той мысли, что красота женская сама по себе, без добродетели, ничтожна» [Буслаев, с. 113] (ил. 1).

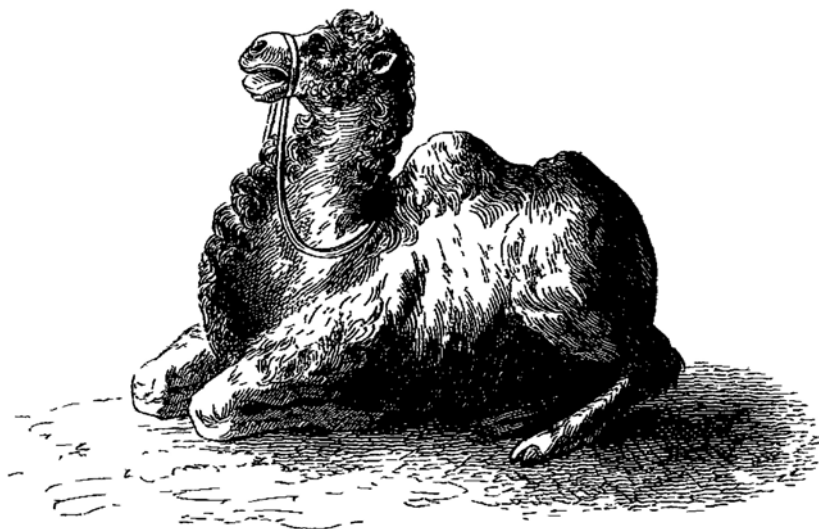
1. Козерог [Сочинения Державина, т. 1, с. 6]

Capricorn [Сочинения Державина, т. 1, с. 6]

Основным эмблематическим источником Державина является книга Нестора Максимовича-Амбодика «Емвлемы и символы избранные» (1788). Козерог встречается в ней дважды; в первой он символизирует добродетель [Эмблемы и символы, с. 110], во второй он сопровождает Диану. В «Эмблемах и символах» данный образ снабжен изречением: «Чист и непорочен. Мудрый управляет звездами» [Там же, с. 112]. Примечательно, что Диана изображена в первой иллюстрации к стихотворению «Всемила», а козерог – в последней. Как представляется, конечная иллюстрация имеет явно забавный оттенок: козерог-добродетель бьет по вазе-красоте. Таким образом, заключительная мысль стихотворения (женская красота сильна лишь добродетелью) в виньетке иронически нивелируется.

Двумя иллюстрациями снабжено также стихотворение «Нине» (1770), где речь вновь идет о любви. На первом рисунке изображен Купидон, на заключительном – верблюд (ил. 2). К. Я. Грот поясняет: «Смысл заключительного рисунка виден из предполагавшейся к нему надписи: “Малым доволен”» [Сочинения Державина, т. 1, с. 8]. Имеется в виду характеристика верблюда в «Кратком истолковании означения изображений, кои в Эмблемах и Гербах употребляются» в книге Максимовича-Амбодика: «Верблюд есть знак воздержности и умеренности, ибо он долее прочих животных сносит голод и жажду» [Эмблемы и символы, с. 49].

2. Верблюд [Сочинения Державина, т. 1, с. 8]

Camel [Сочинения Державина, т. 1, с. 8]

В основной части «Эмблем и символов» эмблема № 582 с изображением спящего верблюда сопровождается изречением: «Сверх сил ничего предпринимать не должно» [Эмблемы и символы, с. 216]. Таким образом, заставки с Купидоном в начале и с верблюдом в конце иллюстрируют шуточный пуант стихотворения:

Желаю ль целовать стократно:
 Но ты целуй меня лишь раз,
 И то пристойно, так бесстрастно,
 Без всяких сладостных зараз,
 Как брат сестру свою целует:
 То будет вечен наш союз

[Сочинения Державина, т. 1, с. 8].

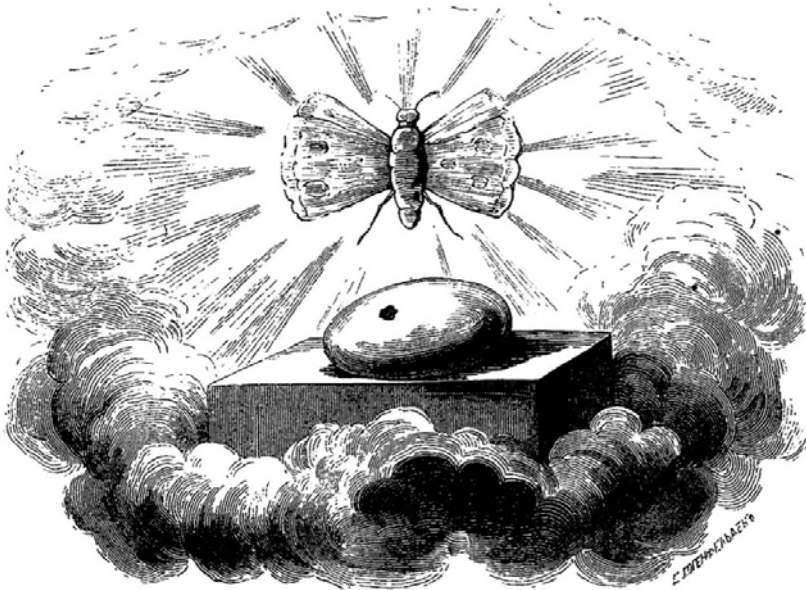
Животные, реальные и мифические, олицетворяют одну из центральных тем в лирике Державина – бессмертие души [Ларкович, 2011, с. 91–154]. Стихотворением «Ласточка» (1792, 1794) Державин открывает традицию, отождествляющую эту птицу с человеческой душой [Фаустов; Щеглов]. Стихотворение в буквальном смысле эмблематично [Щеглов, с. 53], что подчеркивают и обрамляющие его рисунки: в начальной заставке изображен круг вечности, поддерживаемый двумя ласточками; в конечной представлен символ вечности уроборос, окружающий постамент с бюстом Пленеры, то есть первой жены поэта Екатерины Яковлевны, умершей в 1794 г.

Мифический уроборос как символ бесконечности и реальная бабочка – символ души есть еще у Платона. Его упоминания неоднократно встречаются (как в словесной, так в иконической формах) в лирике Державина. В предпоследней строфе оды «Бессмертие души» (1797), особенно любимой Державиным [Остолопов, с. 71], бабочка изображена в своей метаморфозе, символизируя постоянное преобразование:

Как червь, оставя паутину
И в бабочке взяв новый вид,
В лазурну воздуха равнину
На крыльях блещущих летит,
В прекрасном веселясь убранстве,
С цветов садится на цветы:
Так и душа, небес в пространстве
Не будешь ли бессмертна ты?
[Сочинения Державина, т. 2, с. 10]

В сопровождающих оду иллюстрациях начальная заставка изображает женщину с крыльями, летящую к всевидящему оку Божию сквозь уроборос.

Державин объясняет смысл иллюстрации следующим образом: «Душа, отделясь от тленного мира, возлетает к творцу сквозь эмблему вечности». На заставке в конце оды видна бабочка – «символ возрождения и бессмертия» (ил. 3) [Там же, с. 11].

3. Бабочка [Сочинения Державина, т. 2, с. 11]
Butterfly [Сочинения Державина, т. 2, с. 11]

Любопытно, что в иллюстрациях к более позднему стихотворению «Бабочка» (1802–1808) нет ее изображения [Сочинения Державина, т. 2, с. 437]. И здесь насекомое является символом преобразования; Державин воспеваеет ее радостную жизнь и заключает свое двенадцатистишие пожеланием превратиться в бабочку, то есть стать бессмертным:

Я бы пил – и, вновь влюбляясь,
Лишь в веселье дни провел
И, с духами сочетаюсь,
Был нетления символ

[Там же, с. 437–438].

Если в оде «Бессмертие души» метаморфоза бабочки является центральным образом для выражения заглавной темы, то в стихотворении «Бабочка» Державин отождествляется с насекомым, сам превращаясь в символ бессмертия.

В двух произведениях разных периодов – переложении псалма 103 (1789) и стихотворении «Утро» (1800) – налицо образ «чудесной пестроты» фауны в целом, а не отдельно взятых животных. Данные стихотворения содержат картины природы, изобилующие изображениями зверей; второе особенно тесно связано с конкретным визуальным представлением.

Первое произведение, «Величество Божие», является переложением одного из самых лирических псалмов – 103-го («Благослови, душе моя, Господа») [Venditti]. В тексте изображается сотворение мира и дана картина мироздания с его обитателями и пейзажами в соответствии с первой главой Книги Бытия. Животные – птицы небесные, рыбы и звери земные – были созданы Богом в пятый день; человек же был создан в шестой день как их властелин. В псалме 103 дано подробное описание фауны. Состоящий из 35 стихов текст стал поэтическим образцом изображения природы как Богоявления. Его перелагали стихами М. Ломоносов⁷ (1749, 64 стиха, неоконченное), А. Сумароков (1774, 96 стихов), Ф. Козельский (1778, 116 стихов) и Г. Державин (1789, 132 стиха). В Псалтыри упоминаются девять земных животных: «звери селньи», «онагри» (дикие ослы), птицы, скот, «еродий» (аист), елень (олень), заяц, «звери дубравньи», «скимни» (львы).

Ломоносов и Сумароков сохраняют коллективные названия животных, избегая употребления церковнославянских форм. У Ломоносова находим следующие наименования животных: «звери», «ослы»⁸, «птицы», «стадо»; у Сумарокова – «скот», «птицы», «дикая коза», «кролики», «зверь». Козельский и Державин, напротив, воспроизводят набор всех зверей, упомянутых в псалме. Главным приемом

⁷ Г. Кайпертом установлено, что Ломоносов переводил не из церковнославянской Псалтыри, а из протестантской [Keipert].

⁸ В первоначальном варианте фигурируют онагри.

Державина в переложении из Псалтыри является амплификация; 35 стихов оригинала у него превращаются в 132 стиха. Сопоставим текст псалма со стихами Державина:

Псалом 103

Державин

11. Напаяют вся <i>звери селныя</i>, ждут <i>онагри</i> в жажду свою.	Велишь внутрь гор ключем им бить, Из дебрей реки проливаешь, <i>Зверям, онаграм</i> посылаешь Посвюду жажду утолить.
12. На tych <i>птицы</i> небесныя при- витают: от среды камня дадят глас.	А там, по синеве небес Виясь, <i>пернатые</i> летают, Из облак гласы испускают И свищут на ветвях древес.
14. Прозябаяй траву <i>скотом</i>, и злак на службу человеком, извести хлеб от земли.	Из недр земных траву <i>скотам</i> Произращаешь в насыщенье, На разное употребленье Различный злак изводишь нам.
17. тамо <i>птицы</i> вогнездытся, <i>еро- диево</i> жилище предводи-телствует ими.	Ты мелких <i>птичек</i> умудрил Свои вить сокровенно гнезды, <i>Эродий</i> же свое под звезды Чтобы на соснах возносил.
18. Горы высокия <i>еленем</i>, камень прибежище <i>заяцем</i>.	По высотам крутых холмов Ты прядать научил <i>еленей</i>, А <i>зайцам</i> средь кустов и теней Ты дал защиту и покров.
20. Положил еси тму, и бысть нощь, в нейже пройдут вси <i>зверие дубравнии</i>,	Как день Ты удалишь, и нощь Покров свой расстилает черный, – <i>Лесные звери и дубровны</i>,
21. <i>скимни</i> рыкающи восхитити, и взыскати от Бога пищу себе.	И <i>скимн</i> выходит, яр и тощь [Сочинения Державина, т. 1, с. 238–240]

Обратим внимание на ливанский кедр – библейское дерево, символизирующее прочность, нетленность, и на употребление церковнославянских форм: онагри, еродий, скимн. Такие формы и образы встречаются все чаще в позднем творчестве Державина, когда его язык стилизуется под архаику. Например, неудобочитаемые строки стихотворения «Эродий над гробом праведницы» 1806 г., где аист является символом благочестия:

Как урны глиняны, скудельны,
На круговратной жидясь дске...

[Сочинения Державина, т. 2, с. 603].

Интересное и малоизученное второе стихотворение «Утро» (1800) является введением к державинскому переводу «Гимна Зевсу» стоика Клеанта⁹.

В «Рассуждении о лирической поэзии» Державин вслед за Тредиаковским отождествляет оду с псалмом как самое возвышенное произведение, где выражается восторг человека перед Божественным творением:

Человек, из праха возникший и восхищенный чудесами мироздания, первый глас радости своей, удивления и благодарности должен был произнести лирическим восклицанием. Все его окружающее: солнце, луна, звезды, моря, горы, леса и реки напояли живым чувством и исторгали его гласы. <...> [Ода] не есть, как некоторые думают, одно подражание природе, но и вдохновение оной... [Сочинения Державина, т. 7, с. 517–518].

Священные псалмы представляют собой самый яркий пример подобной лирической поэзии, и в ней поэт упоминает именно Клеанта:

Из языческих всех ближе подходит к ним [священным гимнам] по очищенным мыслям от идолопоклонства и по высокому своему содержанию гимн греческого стоического философа Клеанта, напечатанный в моих сочинениях [Там же, с. 577].

Вводные стихи оды «Утро» являются реализацией данного понимания поэзии: они изображают Клеанта, который утром выходит из пещеры и смотрит на просыпающийся мир природы. Данное зрелище вдохновляет его сочинить гимн Зевсу. Таким образом, «Утро» является зрительным поэтическим предисловием к переводу гимна Клеанта. В рамках обсуждаемой в статье темы особо интересен пассаж с описанием мира животных. Его образность очевидно восходит к вышеупомянутому псалму 103. При этом Державин, как всегда, расширяет картину:

Там с холма вниз глядит, навесясь, темный *кедр*,
 Там с шумом вержет *кит* на воздух рек стремленье,
 Там челн на парусах бежит средь водных недр;
     Там, выплыв из пучины,
     Играют, резвятся *дельфины*,
     И *рыб* стада сверкают чешуей,
     И блещут *чуды* чрева белизной.
 А там среди лесов гора переступает, –
 Подъемлет хобот *слон* и с древ плоды снимает;

⁹ Оба текста опубликованы отдельной брошюрой под названием «Утро» и «Гимн Клеантов» в 1802 г.

Здесь вместе два холма срослись
И на верблюде поднялись;
Там конь, пусть по ветру гриву,
Бежит и мнет волнисту ниву.
Глазами красными блестит;
Там *серны*, прядая с холма на холм стрелами,
Стоят на крутизнах, висят под облаками;
Тут, взоры пламенны вверх устремляя к ним,
На лапах жилистых сидит зубастый *скимн*;
Здесь пестрый алчный *тигр* в лес крадется дебристый
И ищет, где залег *олень* роговетвистый;
Там к плещущим ключам в зеленый мягкий лог
Стремится в жажде пить *единорог*;
А здесь по воздуху витает
Пернатых *насекомых* рой,
Леса, поля, моря и холмы населяет
Чудесной пестротой

[Сочинения Державина, т. 2, с. 319–320].

Державин добавляет к животным псалма 103 фантастического единорога, «греческих» дельфинов и многих других существ, накладывая на библейский образец классическую картину. Как изобилие, так и набор этой «говорящей живописи» связывают данное стихотворение с изображениями сотворения животных в западноевропейской живописи и графике – в первую очередь со знаменитой ватиканской фреской «Сотворение животных» Рафаэля Санти, созданной в 1518–1519 гг.

В течение XVII столетия был создан ряд гравюр на меди, на которых были воспроизведены сюжет и композиция Рафаэля. Известны, в частности, копии «Сотворения животных» руки Джованни Ланфранко 1607 г., Орацио Борджанни 1615 г., Франческо Вилламена 1626 г. и Чезаре Фантетти 1675 г. [Rijksmuseum]. Произведение итальянского художника, которого в XVIII в. прозвали «божественным», было широко известно.

Державину творчество Рафаэля было знакомо, о чем свидетельствует зачин к оде «Изображение Фелицы» (1789), в котором поэт обращается к нему:

Рафаэль! Живописец славный,
Творец искусством естества!
Рафаэль чудный, бесприкладный,
Изобразитель божества!
Умел ты кистию свободной
Непостижимость написать...

[Сочинения Державина, т. 1, с. 270–272].

Существует богатая исследовательская литература на тему обращения Державина к творчеству Рафаэля [см., например: Ларкович, 2010]. Известно, что первая иллюстрация к оде «Бог» была нарисована Р. К. Жуковским по картине Рафаэля [Сочинения Державина, т. 1, с. XXXIV]. Кроме того, знаменитый художник итальянского происхождения С. Тончи, написавший известный портрет Державина, учился в Риме и «изучил искусство сам по картинам Рафаэля» [Там же, т. 2, с. 401]; именно ему поэт посвятил стихотворение «Тончию» (1801). Однако до сих пор не была отмечена корреляция между «Сотворением животных» Рафаэля и набором животных в оде «Утро». О значении данного сюжета в творчестве Державина свидетельствует подобранная им заключительная заставка-иллюстрация к оде «Гимн Солнцу» (1802), на которой воспроизведена, судя по всему, только та часть картины Рафаэля, где «под тенистым древом в полдни покоятся собравшиеся звери и птицы» [Там же, с. 413] (ил. 4).

4. Гимн солнцу [Сочинения Державина, т. 2, с. 417]
Hymn to the Sun [Сочинения Державина, т. 2, с. 417]

Д. Ларкович утверждает, что экфрасис – это часто употребляемый поэтом прием: «Державин, как правило, избегает давать точные отсылки к художественным первоисточникам своих стихотворных экфрасисов, что позволяет ему достаточно вольно интерпретировать живописные и скульптурные изображения, подчас соединяя или используя их лишь в качестве некой отправной точки развития собственного поэтического замысла» [Ларкович, 2010, с. 48].

В лирике Державина животные встречаются в самых разных формах и функциях как в самих стихотворениях, так и в подобранных поэтом иллюстрациях. Поэтический бестиарий Державина очень богат, особенно по сравнению с творчеством других поэтов его времени. Животные постепенно становятся неотъемлемой частью пейзажа; согласно эстетической концепции Державина, поэзия должна изображать «блестящие и живые картины, с природой сходственные виды», включая мир фауны. Одна из функций образа животных у поэта заключается, таким образом, в оживлении пейзажа (в противоположность неподвижным картинам классицизма). Данная функция варьирует на разных этапах творчества поэта в зависимости от выбранного им жанра. Державин обращается к образам животных с разными целями, от символической до шутовой; выбор конкретного животного всегда соответствует замыслу стихотворения. В поздний период творчества в связи с тенденцией к архаизации образы животных у Державина приобретают все более ярко выраженный символический или мифологический характер.

Мир животных в поэзии Державина связан с изобразительным искусством и с эмблематикой; примечательно, что образ животного особо заметен в жанрах, принадлежащих к противоположным стилистическим регистрам, – в бурлескных произведениях и в духовных одах. Ранние эмблематические иллюстрации носят шуточный характер и связаны с любовной тематикой. Животные, наделенные бурлескной функцией, встречаются в таких неопубликованных произведениях, как «Похвала комару» и стихи на смерть собаки. Когда мир животных представляет природу как Богоявление, следуя библейским или классическим источникам, Державин обращается к живописи. Особенно репрезентативным в этом отношении можно считать случай обработки сюжета фрески Рафаэля «Сотворение животных».

Список литературы

- Буслаев Ф. И. Иллюстрация стихотворений Державина // Буслаев Ф. И. Мои досуги : в 2 ч. М. : [Б. и.], 1886. Ч. 2. С. 70–166.
- [Венгеров С. А.] Русская поэзия : собр. произв. рус. поэтов : в 2 т. СПб. : Тип. И. А. Ефрона, 1897. Т. 1. Вып. 1–6. XVIII век. Эпоха классицизма. XXII, 992 с.
- Вендитти М. Похвала комару Державина: интертекстуальность и автосемантическая // Study Group on Eighteenth-Century Russia. Newsletter. № 36. 2008. P. 27–46.
- Вендитти М. «Лебедь» Г. Р. Державина: горацанская традиция и образ поэта // History and Literature in Eighteenth-Century Russia / ed. by S. Bogatyrev, S. Dixon. London : Study Group on Eighteenth-Century Russia, 2013. P. 48–60.

Вендитти М. Жанр надписи в творчестве Г. Р. Державина (стихи на смерть собаки) // Рус. лит. 2021. № 2. С. 31–39. DOI 10.31860/0131-6095-2021-2-31-39.

Данько Е. Я. Изобразительное искусство в поэзии Державина // XVIII век : ст. и материалы / отв. ред. Г. А. Гуковский. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1940. Сб. 2. С. 218–222.

Демин А. О. О театральном источнике кантаты Г. Р. Державина «Персей и Андромеда» // Материалы к словарю сюжетов и мотивов русской литературы. Вып. 3. Литературное произведение: сюжет и мотив : сб. науч. тр. Новосибирск : Изд-во СО РАН, 1999. С. 37–46.

Клейн И. Русская литература в XVIII веке. М. : Индрик, 2010. 440 с.

Ларкович Д. В. Трансформация эмблематических сюжетов в поэзии Г. Р. Державина // Самобытность таланта (творческая индивидуальность писателя в контексте литературной традиции). Вып. 4. Сургут : РИО СурГПУ, 2006. С. 5–21.

Ларкович Д. В. Экфрасис и проблема творческой интермедийности в поэзии Г. Р. Державина // Искусство и образование. 2010. № 1 (63). С. 42–55.

Ларкович Д. В. Г. Р. Державин и художественная культура его времени: формирование индивидуального авторского сознания. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2011. 344 с.

Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений : в 11 т. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1959. Т. 8. Поэзия. Ораторская проза. Надписи. 1732–1764 гг. 1281 с.

Остолопов Н. Ф. Ключ к сочинениям Державина, с кратким описанием жизни сего знаменитого поэта. СПб. : Тип. И. Глазунова, 1822. 108 с.

Поэты XVIII в. : в 2 т. / под ред. сост. Г. П. Макогоненко и И. З. Сермана. Л. : Сов. писатель, 1972. Т. 1. 629 с.

СРЯ XVIII в. – Словарь русского языка XVIII века / гл. ред. Ю. С. Сорокин. СПб. : Наука, 1992–. Вып. 8. 256 с. Вып. 12. 256 с.

Сочинения Державина : в 9 т. / с объяснит. прим. Я. Грота. СПб. : Имп. акад. наук, 1864–1883.

Сумароков А. П. Полное собрание всех сочинений : в стихах и в прозе : в 10 ч. / собр. и изд. Н. Новиковым. М. : Университет. тип. Н. Новикова, 1781–1782. Ч. 1. 390 с. Ч. 7. 377 с.

Фаустов А. Полет ласточки в русской поэзии // Звери и их репрезентации в русской культуре / под ред. Л. Геллера и А. Виноградовой де ля Фортель. СПб. : Балтийские сезоны, 2010. С. 38–67.

Херасков М. М. Избранные произведения. Л. : Сов. писатель, 1961. 421 с.

Щеглов Ю. Из иллюстраций поэтической изобретательности Державина («Ласточка») // Норвичские симпозиумы по русской литературе и культуре. Т. 4. Гаврила Державин / под ред. Е. Эткинда и С. Ельницкой. Нортфильд (Вермонт) : Рус. шк. Норвич. ун-та, 1995. С. 283–292.

Эмблемы и символы = Emblemata et symbola / под ред. А. Е. Махова. 2-е изд., испр. и доп. М. : ИНТРАДА, 2000. 368 с.

Эпштейн М. Н. Природа, мир, тайник вселенной... : Система пейзажных образов в русской поэзии. М. : Высш. шк., 1990. 303 с.

Эпштейн М. Стихи и стихии : Природа в русской поэзии XVIII–XX вв. Самара : Бахрах-М, 2007. 351 с.

Bestiaire des Lumières // Rev. des Sciences Humaines. 2009. № 296. 244 p.

Keipert H. «Курица не птица и кит не змий» : Zu M. V. Lomonosovs Preloženie psalma 103 // Tradizione e rielaborazione nelle letterature di Polonia Ucraina e Russia XVI–XVIII secolo. Alessandria : Edizioni dell'Orso, 1999. P. 349–374.

Rijksmuseum : [website]. URL: <https://www.rijksmuseum.nl/en/collection/RP-P-2016-692-127> (accessed: 12.01.2021).

Venditti M. Il poeta e l'ineffabile. Le odi duchovnye di G. R. Deržavin. Napoli : M. D'Auria, 2010. 224 p.

References

- Bestiaire des Lumières. (2009). In *Revue des Sciences Humaines*. No. 296. 244 p.
- Buslaev, F. I. (1886). Illyustratsiya stikhotvorenii Derzhavina [Illustration of Derzhavin's Poems]. In Buslaev, F. I. *Moi dosugi v 2 ch.* Moscow, S. n. Part 2, pp. 70–166.
- Dan'ko, E. Ya. (1940). Izobrazitel'noe iskusstvo v poezii Derzhavina [Visual Art in Derzhavin's Poetry]. In Gukovskii, G. A. (Ed.). *XVIII vek. Stat'i i materialy*. Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. Iss. 2, pp. 218–222.
- Demin, A. O. (1999). O teatral'nykh istochnikakh kantaty G. R. Derzhavina "Persei i Andromeda" [On the Theatrical Sources of G. R. Derzhavin's Cantata *Perseus and Andromeda*]. In *Materialy k slovaryu syuzhetov i motivov russkoi literatury*. Iss. 3. *Literaturnoe proizvedenie: syuzhet i motiv. Sbornik nauchnykh trudov*. Novosibirsk, Izdatel'stvo Sibirskogo otdeleniya RAN, pp. 37–46.
- Epstein, M. (2007). *Stikhi i stikhii. Priroda v russkoi poezii XVIII–XX vv.* [Poems and Elements: Nature in Russian Poetry of the 18th–20th Centuries]. Samara, Bakhrakh-M. 351 p.
- Epstein, M. N. (1990). *Priroda, mir, tainik vselennoi... Sistema peizazhnykh obrazov v russkoi poezii* [Nature, the World, the Secret of the Universe... The System of Landscape Images in Russian Poetry]. Moscow, Vysshaya shkola. 303 p.
- Faustov, A. (2010). Polet lastochki v russkoi poezii [The Flight of a Swallow in Russian Poetry]. In Geller, L., Vinogradova de La Fortelle, A. (Eds.). *Zveri i ikh reprezentatsii v russkoi kul'ture*. St Petersburg, Baltiiskie sezony, pp. 38–67.
- Grot, Ya. (Ed.). (1864–1883). *Sochineniya Derzhavina v 9 t.* [Works of Derzhavin. 9 Vols.]. St Petersburg, Imperatorskaya Akademiya nauk.
- Keipert, H. (1999). "Kuritsa ne ptitsa i kit ne zmii". Zu M. V. Lomonosovs Preloženie psalma 103 ["A Chicken is Not a Bird and a Whale is Not a Snake": M. V. Lomonosov's Appendix to Psalm 103]. In *Tradizione e rielaborazione nelle letterature di Polonia Ucraina e Russia XVI–XVIII secolo*. Alessandria, Edizioni dell'Orso, pp. 349–374.
- Kheraskov, M. M. (1961). *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works]. Leningrad, Sovetskii pisatel'. 421 p.
- Klein, I. (2010). *Russkaya literatura v XVIII veke* [Russian Literature in the 18th Century]. Moscow, Indrik. 440 p.
- Larkovich, D. V. (2006). Transformatsiya zmeeborcheskikh syuzhetov v poezii G. R. Derzhavina [Transformation of Snake-Fighting Plots in the Poetry of G. R. Derzhavin]. In *Samobytnost' talanta (tvorcheskaya individual'nost' pisatelya v kontekste literaturnoi traditsii)*. Iss. 4. Surgut, RIO Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta, pp. 5–21.
- Larkovich, D. V. (2010). Ekfrasis i problema tvorcheskoi intermedial'nosti v poezii G. R. Derzhavina [Ekphrasis and the Problem of Creative Intermediality in the Poetry of G. R. Derzhavin]. In *Iskusstvo i obrazovanie*. No. 1 (63), pp. 42–55.
- Larkovich, D. V. (2011). *G. R. Derzhavin i khudozhestvennaya kul'tura ego vremeni: formirovanie individual'nogo avtorskogo soznaniya* [G. R. Derzhavin and the Artistic Culture of His Time: The Formation of an Individual Author's Consciousness]. Yekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta. 344 p.
- Lomonosov, M. V. (1959). *Polnoe sobranie sochinenii v 11 t.* [Complete Works. 11 Vols.]. Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo Akademii nauk. Vol. 8. Poeziya. Oratorskaya proza. Nadpisi. 1732–1764 gg. 1281 p.
- Makhov, A. E. (Ed.). (2000). *Emblemy i simvol'y = Emblemata et symbola* [Emblems and Symbols = Emblemata et symbola]. 2nd Ed., add. Moscow, INTRADA. 368 p.
- Makogonenko, G. P., Serman, I. Z. (Eds.). *Poety XVIII veka v 2 t.* [18th-Century Poets. 2 Vols.]. Leningrad, Sovetskii pisatel'. Vol. 1. 629 p.
- Ostolopov, N. F. (1822). *Klyuch k sochineniyam Derzhavina, s kratkim opisaniem zhizni sego znamenitogo poeta* [The Key to the Works of Derzhavin, with a Brief Description of the Life of This Famous Poet]. St Petersburg, Tipografiya I. Glazunova. 108 p.
- Rijksmuseum* [website]. (N. d.). URL: <https://www.rijksmuseum.nl/en/collection/RP-P-2016-692-127> (accessed: 12.01.2021).

Shcheglov, Yu. (1995). Iz illyustratsii poeticheskoi izobretatel'nosti Derzhavina ("La-stochka") [From Illustrations of Derzhavin's Poetic Ingenuity (*The Swallow*)]. In *Norvichskie simpoziumy po russkoi literature i kul'ture. Vol. 4. Gavrila Derzhavin*. Northfield (Vermont), Russkaya shkola Norvichskogo universiteta, pp. 283–292.

SRYa XVIII v. – Sorokin, Yu. S. (Ed.). (1992–). *Slovar' russkogo yazyka XVIII veka* [A Dictionary of the Russian Language of the 18th Century]. St Petersburg, Nauka. Iss. 8. 256 p. Iss. 12. 256 p.

Sumarokov, A. P. (1781–1782). *Polnoe sobranie vsekh sochinenii. V stikhakh i v proze v 10 ch.* [Complete Collection of All Works. In Verse and Prose. 10 Parts]. Moscow, Universitetskaya tipografiya N. Novikova. Part 1. 390 p. Part 7. 377 p.

Venditti, M. (2008). Pokhvala komaru Derzhavina: intertekstual'nost' i avtosemantichnost' [Praise for Derzhavin's Mosquito: Intertextuality and Autosemantics]. In *Study Group on Eighteenth-Century Russia. Newsletter*. No. 36, pp. 27–46.

Venditti, M. (2010). *Il poeta e l'ineffabile. Le odi duchovnye di G. R. Derzhavin*. Napoli, M. D'Auria. 224 p.

Venditti, M. (2013). "Lebed'" G. R. Derzhavina: goratsianskaya traditsiya i obraz poeta [*The Swan* by G. R. Derzhavin: The Horatian Tradition and the Image of the Poet]. In Bogatyrev, S., Dixon, S. (Eds.). *History and Literature in Eighteenth-Century Russia*. L., Study Group on Eighteenth-Century Russia, pp. 48–60.

Venditti, M. (2021). Zhanr nadpisi v tvorchestve G. R. Derzhavina (stikhi na smert' sobaki) [The Genre of Inscription in G. R. Derzhavin's Poetry (Poems on the Death of a Dog)]. In *Russkaya literatura*. No. 2, pp. 31–39. DOI 10.31860/0131-6095-2021-2-31-39.

[Vengerov, S. A.] (1897). *Russkaya poeziya. Sobranie proizvedenii russkikh poetov v 2 t.* [Russian Poetry. A Collection of Works of Russian Poets. 2 Vols.]. St Petersburg, Tipografiya I. A. Efrona. Vol. 1. Iss. 1–6. XVIII vek. Epokha klassitsizma. XXII, 992 pp.

The article was submitted on 17.03.2021